

МАРТ РАИЛУТ (Таллин)

СОХРАНЕНИЕ ЯЗЫКОВ И ФИННО-УГОРСКИЙ МИР*

Abstract. Language Maintenance and Finno-Ugric World

The article focusses on various ethnolinguistic consequences of the new, post-modern world order and its implications on Finno-Ugric and Uralic languages in particular. Language shift that concerns most languages is analyzed through formal and informal functions. Hidden agendas behind factors of language shift (and consequent murder) are revealed and discussed. Various options of the new diglossic framework for traditional speech communities are presented. The analysis presents a gloomy view of the situation and future for Uralic languages, where the number of speakers among many smaller ones is currently decreasing rapidly, by $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ per generation. Several languages are moribund. Probably only for the languages that function as national languages of sovereign states sustainable development is guaranteed.

Keywords: Uralic, Finno-Ugric, language policy, endangered languages, language planning.

Некоторые замечания на тему развития языков

Количество языков в мире никогда не было стабильным. Люди постепенно расселялись по земному шару — последние необитаемые регионы (например, острова Тихого океана) были заселены всего несколько столетий назад. С ростом численности населения Земли росло и количество языков. Однако на этот процесс влияли многие факторы, связанные с изменениями физических и иных условий гомеостаза: короткими и длинными периодами климатических изменений (засухи, похолодания?), природными катастрофами (извержения вулканов, наводнения, землетрясения и т. п.), которые становились причиной голода и болезней, и, как следствие, значительного сокращения численности населения, а потому и количества языков. В такие длительные периоды, как глобальное оледенение, в благоприятных для проживания зонах могли возникнуть варианты *lingua franca* (Wiik 2002). В таких условиях, как отмечают эколлингвистические теории, биологическое разнообразие и языковое разнообразие поддерживают и укрепляют друг друга (Mühlhäusler 1995; Skutnabb-Kangas 2000).

Взаимосвязь между количеством языков и численностью населения Земли легко объяснима для языковых сообществ, которые пользовались лишь устным общением, поскольку тогда отсутствовали возможности для распространения

* Подготовку статьи поддержал Эстонский научный фонд, грант № 7065. Она представляет собой дополненный вариант доклада, прочитанного на V Всемирном конгрессе финно-угорских народов (27—30 июня 2008 г., Ханты-Мансийск, Россия).

языковых форм во времени и пространстве. Неизбежно возникали новые лингвистические формы, а редкие контакты при ограниченных коммуникациях и транспорте рано или поздно вели к дифференцированию географически рассеянных языков. Область обитания языкового сообщества обеспечивала охотникам и собирателям ограниченные ресурсы (не более 2—3 человек на 1 кв. км). Поэтому развивались устные коммуникационные системы, базировавшиеся в социальном плане на племенной или клановой структуре (хотя благодаря языковому континууму соседние языки могли иметь сходные варианты или несколько языков могли использоваться внутри одного клана, см. Fried 1975).

Эра цивилизации последних десяти тысячелетий характеризуется растущим темпом исчезновения языков. Скорее всего это связано с развитием технологий, которое привело к численному росту внутри языковых сообществ. Развитие сельского хозяйства, совершенствование орудий труда и средств передвижения (лошадь), технологий (например, в обработке металлов) позволяли сосредотачивать большее количество людей на определенной территории. Расширились границы языкового сообщества, что вело к оживлению межъязыковых контактов (и конфликтов, в результате которых число носителей некоторых языков сокращалось, и в итоге язык мог исчезнуть). Письмо как технология запоминания и грамотность дали возможность сохранять единый вариант языка во времени и пространстве и умножать сообщество его носителей. В то время как при устном общении языковое сообщество (племя) включало до 1000 человек (в зависимости от географических условий и образа жизни), внедрение письменности (начиная с IV тыс. до н. э. в Месопотамии) обеспечило основу для коммуникации, способной объединить в рамках использующего письменность политического правления десятки тысяч и в некоторых случаях миллионы носителей языка (привлекая такие изобретения, как глиняные таблички, папирус, пергамент и т. п.), а распространение грамотности (на основе книгопечатания, XV век) предоставило средства общения десяткам миллионов. С появлением электронных средств коммуникации и виртуальных реальностей, в значительной мере не зависящих от времени и пространства, десяток языков может обеспечить коммуникационные потребности человека для большинства населения Земли и сделать другие языки ненужными или устаревшими для выполнения некоторых функций.

Новые технологии породили новые сферы функционирования языков (наука, СМИ и т.п.) и усовершенствовали старые (управление, образование и т. п.). По мере выхода за рамки изначального языкового сообщества несколько языков вступают в контакт, что ведет к конкуренции (или конфликту), в результате чего выживает сильнейший. Последствия таких конфликтов и языковая ситуация в мире нашли отражение во многих статьях (например, Krauss 1992; Crystal 2000; Nettle, Romaine 2000). С расширением языковых сообществ количество языков в мире сокращается. По Nettle, Romaine 2000 : 2, за последние 500 лет исчезла половина известных языков. Д. Кристал (Crystal 2000 : 19) предполагает, что в течение следующих 100 лет каждые две недели будет исчезать по языку. Данные о количестве языков, находящихся в опасности, сильно варьируют — от 50 до 90% в зависимости от критериев оценки риска (Romaine 2007). По сведениям ЮНЕСКО (World Atlas of the World's Languages in Danger of Disappearing 2001), 50% языков в разной степени угрожает опасность исчезновения. М. Краусс (Krauss 1992) относит к ним языки, количество носителей которых не достигает 100 000, т. е. до 90% мировых языков. Мрачные прогнозы о сокращении числа языков делаются на основе статистики. Некоторые лингвисты полагают, что в течение следующих 100 лет от 60 до 90% мировых языков (около 6900) окажутся под угрозой исчезновения. По Krauss 1992, выживут только 600 языков с количеством носителей более 100 000; по Romaine 2007, только несколько из приблизительно 6000 оставшихся языков имеют надежное будущее, в то время как носители около половины мировых языков являются последними, кто на них

говорит. Большинство авторов рассматривает распространенность как решающий фактор в судьбе любого языка.

Согласно Waever 1993, распространенность языка имеет значение только при реальной угрозе, т. е. языкам с миллионами носителей может угрожать опасность, в то время как, например, исландскому языку с 270 000 носителей непосредственная опасность не угрожает. Тем самым прогнозирование судьбы языков в Европе и Африке только на основе количества носителей спорно. Более важным показателем представляется функциональная нагрузка (и статус) языков. Автор этих строк (Rannut 2003) предположил, что к концу текущего столетия только 2—3% языков будут находиться в безопасности (широко использоваться носителями) благодаря развитию языковых технологий (ЯТ), что сделает эти языки обязательными для современной жизни. Количество же таких языков пока не превышает 100.

Численность носителей более крупных или технологически оснащенных языков увеличивается, остальных же сокращается, что обычно связано с языковыми смещениями, которые расширяют функционально значимые сферы для большей части носителей. Языковым смещениям сопутствует изменение общественного мнения, которое ставит под сомнение использование определенного языка.

В Romaine 2007 языковое смещение характеризуется как утрата языком носителей и сфер использования, что имеет критическое значение для выживания языка. Этому обычно предшествует или сопутствует широко распространенный билингвизм в группе, подверженной смещению, когда применение языка, когда-то используемого всем сообществом, ограничивается, а другой язык берет на себя его функции. Последняя стадия — когда прекращается использование языка в быту и все больше родителей не передают родной язык своим детям. Например, когда некий язык еще распространен среди старшего поколения, но молодежь уже предпочитает говорить на другом (обычно доминирующем в обществе) языке. Однако если в сообществе смещение языковых функций ограничено некоторыми сферами (например только религиозной), незначительно или затрагивает меньшинство членов сообщества, возможно развитие одного из типов диглоссии.

По «Can Threatened Languages Be Saved?» (2001), языковые смещения и иногда сопутствующее им исчезновение языков нередко служат запоздалым индикатором культурной ассимиляции, которая ведет к критическим изменениям в предпочтениях и статусе языка. Данное явление часто наблюдается сегодня в тех случаях, когда носители одного языка все больше подвергаются влиянию других языков более высокого статуса (доминирующих в таких сферах, как управление, СМИ, образование и т. п.) и отказываются от своего прежнего языка. Это в первую очередь касается тех 90% мировых языков, которые являются или были до недавнего времени почти исключительно средством устного общения на местном уровне из-за отсутствующих или ограниченных контактов с носителями других, более развитых языков.

Сегодня большинство языков уже страдает от сильно выраженных сдвигов (начальная фаза смещения), а чтобы остановить этот процесс, необходимы организационные меры, которые неизбежно ведут к изоляции языкового сообщества (Lo Bianco 2004).

Существуют различные причины языковых смещений. ЮНЕСКО (в 2006 г.) указала на шесть главных факторов жизнеспособности языка: передача его от поколения к поколению, абсолютное число носителей, пропорциональная доля носителей в местном населении, тенденции в существующих сферах применения языка, реакция на новые сферы и средства распространения, наличие материалов для обучения языку и грамотности. Из этих шести факторов четыре связаны с языковыми сдвигами в сферах использования и только два относятся к демографическим процессам — налицо явная тенденция к предпочтению фактора функциональности языка показателем его распространенности.

Три этапа языковых конфликтов

За последние 10 000 лет социальное развитие и как его следствие потребности в коммуникации привели к внедрению новых технологий, позволяющих повышать численность носителей внутри языковых сообществ, порождая тем самым все новые языковые контакты и конфликты. В результате выделились более конкурентоспособные языки, которые в состоянии предлагать решения для коммуникационных технологий, повышая свое значение и статус, а также распространяясь за счет других языков.

В истории языковых конфликтов выделяются три этапа. На первом, доисторическом этапе использовалась исключительно устная коммуникация, на втором этапе с внедрением письменности языковые варианты стали более стабильными и продолжительными, что позволило им распространяться во времени и пространстве. Последнее было необходимо при зарождении феодалов, городов, империй — для управления ими. Появились и языки общего распространения (например, греческий и латынь в Европе).

С изобретением книгопечатания и распространением грамотности возникли литературные языки, которые способствовали зарождению национальных государств, контролирующих образование, управление, обязательную военную службу, транспорт и связь, сначала в Европе, а затем и в других частях света. Государственные языки используются главным образом правящей элитой. Функции остальных языков в пределах действия государственной администрации перераспределялись, вне зависимости от наличия или отсутствия литературного языка, они вытеснялись на периферию влияния, где располагали скудными ресурсами. Как правило, носители этих языков были сравнительно менее состоятельными экономически, и этот их статус перешел на языки. Так возникли языки национальных меньшинств. В современной урбанизированной среде их число постепенно сокращается, хотя *modus vivendi* в форме диглоссии позволяет обеспечивать сохранение сфер их применения и претензии на более высокий статус. Сегодня более 600 языков претендуют на статус языка меньшинства.

В группе финно-угорских народов мордва, мари, удмурты и коми, будучи преимущественно сельским населением, приспособились к положению национального меньшинства. Исторически эти языковые сообщества имели иерархические политические системы, но с образованием государства в большинстве престижных сфер их языки вытеснил русский. Национальные языки, правда, используются в сельской местности, но урбанизация наступает, и младшее поколение в городах переходит на русский язык.

Между тем конфликты языков с уровня национальных государств переходят на следующий уровень, новая цель — глобальное распространение как гарантия устойчивого развития языка в будущем. Согласно Lo Bianco 2002, новые технологии ведут к изменениям в идентичностях, выдвигая на первый план мультикультуру и тем самым создавая угрозу для многих мировых языков, не имеющих адекватной технологической базы. Растут инвестиции в науку и производство, при этом ресурсы распределяются между языками неравномерно и в основном достаются крупным языкам. По Danzin 1992, при количестве носителей менее 10 млн языки считаются неспособными к развитию ЯТ. Членство в политических, военных и экономических международных объединениях ограничивает суверенитет государств. Благодаря доступу к глобальным СМИ и Интернету товары и услуги на разных языках вступают в конкуренцию и за пределами языкового сообщества производителей. Для повышения статуса языка используются различные способы вмешательства в дела других государств, скажем, в сфере гражданского права (например, поддержка какой-либо одной языковой группы) или соответствующей агитации. В условиях глобализации конкурентные преимущества крупных языков позволяют им успешнее удовлетворять запросы и нужды по-

требителей, а также обеспечивать широкую коммуникационную сеть (Lo Bianco 2005). Как следствие, в этой не знающей границ сфере различные организации, представляющие крупные государства, используют свои возможности для повышения статуса своих национальных культур и языков в мировом масштабе, например, British Council, the USIA, Goethe Institut и т. п. Экономическая и социальная глобализация затрагивает в основном две языковые категории: малые государственные языки и внутригосударственные языки. Это одна из причин, по которой языковая политика в наше время стала активно развивающейся областью лингвистики, а некоторые малые и лингвистически достаточно однородные национальные государства разрабатывают законы о языках (например, Швеция в 2008 г.).

Языки, которым угрожает опасность исчезновения, заметно различаются: модель лингвистического биоразнообразия (On Biocultural Diversity 2001; Skutnabb-Kangas 2001) эффективна и применима в отношении примерно 6000 языков (с количеством носителей менее 10 000) из почти 7000, перечисленных в книге «Ethnologue. Languages of the World» (2005). Эти языки в большинстве своем бесписьменные, не признанные официально, ограниченные в использовании — внутри местных общин и в быту, на них говорит очень немного людей. Практически они не способны зацепиться за городскую среду.

Сотни имеющих статус языка национального меньшинства (около 600) до сих пор борются за сферы функционирования с менее чем 100 государственными и официальными языками, пытаясь добиться устойчивой диглоссии, однако в большинстве случаев они постепенно теряют своих носителей в пользу крупных языков. На статус глобального языка претендуют языки с наибольшим количеством носителей. Первый десяток самых распространенных языков (более 100 млн носителей) наращивает их количество (за исключением русского языка). Причем английский постепенно берет на себя все новые функции, начиная с науки и техники, высшего и отчасти среднего образования и кончая бизнесом, торговлей, развлечениями, политикой, СМИ. В результате он стал наиболее распространенным как второй или иностранный язык по количеству владеющих им (см. Boyd 2007).

Языки в различных сферах применения

Количество мировых языков впечатляет, но по своим функциям внутри языкового сообщества они сильно различаются. Рассмотрим языки в разных сферах применения и долю европейских языков среди них. В мире существуют 6912 разговорных языков (см. www.ethnologue.com), более 100 широко распространенных языков и несколько тысяч с более узкими сферами применения. Уральские языки (22—25) составляют лишь 0,3% общего количества, на них говорит примерно такой же процент населения Земли, т. е. около 23 млн. человек, крупными сообществами и группами проживающих в 12 разных государствах.

Библия или отрывки из нее переведены примерно на треть языков мира, а это значит, что существует литературный стандарт по крайней мере для 2453 языков. К данной категории принадлежат все автохтонные европейские языки, включая даже ливский с менее чем 50 носителями. Это не более чем потенциал для дальнейшей письменной коммуникации, поскольку рынок литературных языков, т. е. коммерческий рынок языков, на которых пишутся, продаются и покупаются книги, составляют лишь примерно 800 языков (данные Франкфуртской книжной ярмарки за 1997 г.). В настоящее время все уральские языки принадлежат к этой категории, хотя по поводу книг на нескольких из них об активном книжном рынке речи быть не может.

Количество языков, задействованных в образовании, еще меньше. ЮНЕСКО собраны данные за последние десятилетия и работа продолжается. Хотя большинство этих данных доступно, во многих случаях сопоставление и системати-

зация их невозможны из-за различий в содержании и интерпретациях (Bamgbose 2004). Следует разделять языки как средство преподавания и языки как преподаваемый предмет. Как и в случае литературного стандарта здесь играют свою роль разные пороги. Одним из них является количество языков, используемых для получения элементарной грамотности и, возможно, начального образования, оно может легко превысить тысячу. Предпринимались попытки преподавать все финно-угорские языки, в нескольких случаях они преподаются как предмет, начальное образование на более крупных языках осуществляется в России, а также на саамском языке в Фенноскандии. К сожалению, многие российские планы преподавания на родных языках для уральских народов остались на стадии пилотного проекта. Тем самым право получать образование на родном языке на исконных территориях его распространения оказалось не обеспеченным.

В отношении более высоких и формализованных уровней образования, требующих печатных пособий и специальной подготовки преподавателей, ситуация с передачей родного языка от поколения к поколению выглядит еще менее оптимистичной. Большинство финно-угорских языков считаются лишь базой для перехода к другому, обычно русскому языку как средству дальнейшего образования. Только эстонский, финский и венгерский языки широко используются в преподавании на среднем и высшем уровнях. Правда, в Норвегии существуют успешные программы на саамском языке. В России использование финно-угорских языков в средней школе носит маргинальный характер. В административных центрах и других городах финно-угорские языки в учебном процессе не участвуют, что создает в отношении к ним как к средству образования некий тупик и существенно снижает статус соответствующих языков.

Эстонский, финский и венгерский (маргинально также саамский) языки борются за свое место в высшем образовании, хотя наряду с ними в высших учебных заведениях все активнее используется английский язык. Количество языков, задействованных в этой сфере, во всем мире не превышает 100, причем треть составляют европейские. Утрата языка на более высоких уровнях образования служит основным индикатором его сохранности и признаком кульминации конфликтов между языками в глобальном масштабе, где английский язык наиболее успешен, он предлагает все больше докторских, магистерских и бакалаврских программ.

Во всем мире общее количество официальных языков, т. е. языков, используемых в управлении и финансовых службах, невелико, их, наверно, не более 100. В то же время несколько языков являются официальными более чем в одной стране, например английский в более чем 53 странах, французский в 30 странах, арабский в 25, испанский в 21 и португальский в 11.

Еще меньше языков используется в ЯТ: компьютерные программы для массового пользователя предлагаются и применяются на 70 с лишним языках, в изделиях «Нokia» (например, в меню мобильных телефонов) информация обновлена на 44 языках (данные за 2004 г.), машинный перевод (на основе Systran, см. EUROTRA) работает примерно на 30 языках. Языки, используемые в технологической продукции, часто совпадают. Это означает, что, благодаря потребительским возможностям их носителей, поддержка и средства ЯТ разрабатываются для одних и тех же языков, которые составляют некий «элитный клуб». Эти «элитные» языки доминируют (и получают финансовые выгоды) в своей сфере и там, где распространены другие языки, поскольку носители «неэлитных» языков (без поддержки ЯТ) потребляют их продукцию, например, компьютерные программы, системы распознавания речи и т. п. на чужом языке, одном из «элитных» (Rannut, Rannut, Verschik 2003). Из уральских языков к «элитному клубу» принадлежат эстонский, финский и венгерский.

подавляющее большинство языков мира бесписьменные, не признанные официально, используются только в местных общинах и в быту, и на них разговари-

вают очень небольшие группы людей. Таков баланс сил на глобальном языковом рынке.

Как уничтожаются языки

Умирание языка, к сожалению, встречается чаще, чем его успешное возрождение или создание нового, передаваемого от поколения к поколению. Попытаемся выяснить природу нескольких скрытых процессов и факторы, способствующие устойчивому развитию тех языков, которым досталась более счастливая судьба.

Процесс умирания языка можно представить как в виде замкнутой модели (изменение вследствие смены внутренней среды языка), так и в виде открытой модели (взаимодействие с окружающей средой, например, с демографией, экономикой, природными явлениями и социальной идентификацией). Вариант замкнутой модели влияет на развитие языковой политики в различных аспектах (статус, образование, технология), предоставляя сведения о передаче функционального наследия вытесненного языка (X) вытеснившему (Y). Вместе со сменой языка говорящие усваивают новые для себя отношения и установки, присущие носителям вытеснившего языка.

Умертвлять языки можно по-разному. Мы сгруппировали соответствующие способы в аспекте языкового планирования (замкнутая модель), вскрывая различные проявления языковых сдвигов. Наиболее важной мерой, обеспечивающей выживание или гибель языка, является планирование его статуса. Здесь возможны три традиционно взаимосвязанных аспекта: законодательство, деятельность административных органов и обеспечение престижа языка. Язык отмирает, если он не защищен законодательством. Отсутствие законодательных актов или норм употребления языка (меньшинства) автоматически ведет к непризнанию его права на существование. Можно привести много примеров (скажем, в истории бывшего Советского Союза), когда даже обсуждение этой проблемы шельмовалось как национализм и ксенофобия, а затем сурово каралось. Невмешательством законодательства не накладывается никаких обязательств на переселенцев из других регионов, им позволяется не изучать местный язык и культуру, статус которых декларируется как низкий, и в результате проявлять к ним, как правило, пренебрежительное отношение.

Отсутствие языкового законодательства никак не препятствует административным мероприятиям разного рода в языковой сфере. Местный язык X вытесняется языком Y из общественной и официальной жизни, что приводит к переходу от X к Y в самых разных сферах (административные органы, суд, СМИ, армия, полиция и т. д.). В то же время лица, которые не являются носителями языка X, занимают лидирующие позиции, образуя элиту, которая общается на языке Y и не знает языка X. Язык Y преподносится как залог будущей карьеры. Документация на языке Y, заполненное им информационное пространство и массовая культура требуют его широкого применения на работе и в повседневной жизни. Маргинальное состояние языка X, существующего без какой-либо функциональной нагрузки, делает его бесполезным. В результате статус вытесняющего языка Y повышается за счет языка X, увеличивается число его носителей и лиц, владеющих им. Остальные языки, включая X, обречены на вымирание.

В случае финно-угорских языков имеет место нестабильное двуязычие, ведущее к смене языка. В сложившихся условиях эта тенденция усиливается. Такая ситуация гораздо выгоднее (дешевле), чем сохранение местного языка или двуязычия. Как правило, все престижные сферы жизни функционируют на русском языке, финно-угорским языкам уготована лишь роль языка общения в быту и на неофициальном уровне внутри языкового сообщества. Символично, что финно-угорские языки лишены функции объединения населения и создания определенного респекта в рамках соответствующих административных единиц,

даже в национальном сообществе встречаются лица, которые стыдятся своего языка и происхождения и замалчивают их. Местный язык рассматривается как источник дополнительных расходов или лишний груз, поскольку с ним не связаны какие-либо привилегии. Русскоговорящее население этих этнических территорий не обязано изучать местный язык в школе или после ее окончания, а также пользоваться им на работе. Даже для сотрудников правоохранительных органов, где понимание жизненно необходимо, такая обязанность не предусмотрена. Нет никаких языковых предписаний и для врачей, социальных работников, спасателей. Владение соответствующим финно-угорским языком не требуется также от чиновников, призванных служить населению. Большинство руководителей финно-угорских административных единиц местными языками не владеет и не предпринимает попыток изучить их, чем способствует формированию негативного отношения к этим языкам. В результате лицам, нуждающимся в услугах государства, необходимо владение русским языком. Такая пагубная для финно-угорских языков ситуация не возникла вдруг, она ведет к перекоосу двуязычия. Условия же, которые способствовали бы двуязычию, не создаются. Основным препятствием служит отсутствие соответствующего законодательства. Хотя в финно-угорских республиках приняты законы о правовом статусе местных языков, в основном они остаются декларативными и не выполняются. В реальной жизни решения принимает администрация и результатом этого является все более активный переход на русский язык коренного населения финно-угорских регионов. Это прямое нарушение прав человека в языковой сфере, которое требует незамедлительного устранения. Терпимость и уважение к говорящим на других языках, общечеловеческие ценности, а также эффективная работа юридических и административных органов — вот основные средства в борьбе с ксенофобией и расизмом, которые вновь поднимают голову не только в России, но и в других странах.

Меры, которые предпринимаются для обучения языку, также влияют на его устойчивое развитие. Закрытие (и сокращение числа) школ с обучением на языке X и открытие новых школ на языке Y вынуждает учащихся постепенно переходить в иноязычную среду обучения. Пропаганда «свободы выбора» среди родителей, которым решать, где будут учиться их дети, откроются ли перед ними все возможности или они окажутся в тупике, существенно влияет на ситуацию в финно-угорских регионах. В результате в значительной мере блокируется или ограничивается передача языка от поколения к поколению. Кроме того, грамотность на языке X нигде не востребована, а на всех экзаменах обязательно проверяется грамотность на языке Y.

Если же такой метод не работает, есть возможность воздействовать на сферу использования языка X с помощью переходной образовательной программы на первичном, или элементарном, уровне. Иногда язык X преподается в старших классах факультативно, обычно на последнем уроке. Как правило, учебники и пособия устарели, учителя немолоды, не имеют надлежащей подготовки, знаний едва хватает, чтобы удовлетворить самые элементарные требования. Ситуация с преподаванием и владением языком Y противоположна. Ему оказывается поддержка: больше академических часов, внеклассные занятия, высокая квалификация учителей и современные учебные пособия.

Описанная ситуация хорошо знакома финно-угорским народам, ее корни восходят к хрущевской реформе образования 1959 года. В рамках этой реформы в автономных республиках 10-летнее обучение на родном языке трансформировалось в 3-летнее начальное образование, а для малочисленных народов было признано достаточным и несколько уроков родного языка в неделю. К настоящему времени и от этой реформы остались крохи, например, последние школы с коми языком обучения были закрыты в 1974/75 учебном году. Даже в начальных школах, что находятся в селах с коми населением, учебный процесс осуществляет-

ся на русском языке, ибо вся учебная база (учебники, методические пособия и т. д.) в основном русскоязычная, нередко учителя вынуждены сами переводить содержание предметов с русского языка на коми (Шабаев, Рогачев, Котов). Новый закон об образовании утратил прежний национально-региональный компонент, т. е. национальную школу частенько лишь с парой часов родного языка в неделю в школе, где обучение ведется на русском языке. Республиканские контрольные работы и экзамены на соответствующем финно-угорском языке не проводятся даже для носителей языков, не говоря уже о русскоязычных учащихся, которые с финно-угорскими языками вообще не контактируют. Педагогические исследования об усвоении финно-угорских языков практически не проводятся и не публикуются.

Планомерное воздействие на языковую ткань также ведет к искажению литературного стандарта, превращая язык в старомодный и неудобоваримый. Усложнен доступ к пособиям по литературному языку, которые могут и вообще исчезнуть из обращения. Отсутствуют или труднодоступны пособия и учебники, позволяющие повысить уровень грамотности, нет и орфографических словарей. В результате появляются разные языковые структуры, люди не уверены в своей грамотности и готовы при первой возможности перейти к письму на другом языке. А заимствования из языка Y и феномен его влияния преподносятся как признак цивилизации, смешанный язык считается верным шагом на пути к языку Y. Специалисты не создают новой терминологии и другой лексики. Владению литературным стандартом препятствует прежде всего то, что информация и литература на родном языке считаются маргинальными. Если в 1920—1930-х годах, когда финно-угорские языки фактически были официальными, коми, карелы, мордва, удмурты и марийцы почти 90 % информации получали на родных языках, то теперь ситуация изменилась кардинально и подавляющую часть информации эти народы потребляют на русском языке. Поэтому, например, свободно читают и пишут на родном языке лишь около половины коми и коми-пермяков, а подавляющее большинство предпочитает читать и писать по-русски (Шабаев, Рогачев, Котов).

При номинации (имена людей, названия предприятий и географических объектов и т. п.) используется язык Y (как правило, версии на нем считаются предпочтительнее). В названиях фигурируют заимствования из языка Y или фамилии его выдающихся носителей. В случае разных алфавитов приветствуется переход на близкий к языку Y, иногда законодательным путем (например, Карелия в России, 2002 г.). Публикации на языке X редки и требуют дополнительных финансовых вложений. Радиовещание и телевидение на языке X, как правило, осуществляется не в лучшее эфирное время, например, днем, зачастую нерегулярно. Перевод с языка Y является стандартной процедурой. С языка X переводы практически не делаются, творчество на языке X оказывается в тупике.

Описанная ситуация обычна для финно-угорских народов России, которые в 1920—1930-х годах пережили период национального возрождения, когда местные языки доминировали в общении и в сфере развлечений. Однако этот период завершился сталинским террором, лучшие представители народов были расстреляны или стерты в лагерную пыль, развитие языков остановилось.

Одним из современных факторов воздействия на развитие языка становится планирование ЯТ. Здесь наблюдается феномен, называемый языковой дискриминацией: в рамках работы с естественными языками — Human Language Technology (HLT) — внедряется только продукция на языке Y. Местные власти обязаны использовать программы массового распространения (например, Microsoft Office) в версиях на языке Y, компьютеры продаются с предустановленным программным обеспечением и поддержкой на языке Y (синтаксический контроль, справочники, словари). Поисковые средства разрабатываются только на языке Y, правительственная поддержка проектов HLT распространяется только на язык

Y, алфавит местного языка не находит отражения даже в кодировке UNICORE. Политика невмешательства тоже тормозит развитие языка X в рамках HLT: носители языка X для выполнения, например, банковских операций, покупок через Интернет и т. п. вынуждены переключаться на другой язык (Y). Если они не могут этого сделать, возможности доступа к ряду услуг для них блокируются. В случае финно-угорских языков препятствием иногда служит отсутствие на клавиатуре компьютера присущих соответствующему языку литер. Некоторые финно-угорские языки существуют в электронном пространстве благодаря сайтам, обеспечивающим беспредельное распространение коммуникаций и информации. Однако на финно-угорских территориях информация большей частью распространяется на русском языке. Несколько лучше, но далеко не удовлетворительна ситуация в национальных республиках, например, в Марий Эл по местному радио и телевидению ежедневно транслируются передачи на марийском языке продолжительностью около двух часов.

В рамках открытой модели в центре внимания взаимодействие с внелингвистическими феноменами, которые способны оказывать влияние на язык. Одним из наиболее важных является демографический аспект: к примеру, поддержка иммиграции носителей языка Y на территорию распространения языка X ведет к сокращению доли говорящих на X и уменьшает возможности повседневного общения на нем. Происходит постепенный переход с одного языка на другой, что в настоящее время особенно характерно для коми, хантов и представителей нескольких других народов финно-угорской группы.

Геноцид, депортации и массовые аресты были остановлены после смерти Сталина и в настоящее время, к счастью, запрещены законом в большинстве стран. Но сохранились другие факторы наступления языка Y на язык X: заключение этнически и лингвистически смешанных браков, перемещения групп населения (призыв в армию, трудоустройство). Хрущевская кампания по ликвидации «отсталых» районов подорвала этнолингвистическую жизнеспособность карелов, вепсов и многих других народов.

Существенную роль в судьбе языка играют экономические аспекты. Самым разрушительным оружием может стать государственный бюджет, из-за которого закрываются школы, отменяется вещание в СМИ на языке X, финансовые средства распределяются в ущерб языку X. Благодаря этому дешевле оказываются интеллектуальные продукты и услуги, предлагаемые на языке Y.

В соответствии с концепцией открытой модели следует учитывать также влияние природных катастроф (голод, эпидемии, наводнения и изменения уровня морей, цунами, вулканические извержения, землетрясения, падение метеоритов и т. д., см. Dixon 1997) и войн. Например, в первые столетия I тыс. произошло похолодание, и племена урало-алтайской группы вынуждены были покинуть северные регионы Евразии и перебраться в регионы со сравнительно умеренным климатом. Это привело к контактам и конфликтам с местными племенами и породило такие явления, как смешение, заимствование, а иногда и смену языка. Потепление, начавшееся в IX в., способствовало бурному росту численности населения и возврату к культуре земледелия, однако эти народы оказались слабее славянских племен, двигавшихся с юга и постепенно овладевших большинством территорий, населенных народами урало-алтайской группы. Подобное явление наблюдалось и в период кратковременного похолодания во II в. до н. э., когда родственные народы Прибалтики заговорили на языках разных лингвистических групп, а граница ареала распространения финно-угорских языков значительно сдвинулась к югу.

Язык Y, имеющий в общественном сознании более высокий статус, распространяется среди населения, говорящего на языке X в случае смешанных браков, наличия мигрантов и носителей родственных языков. Вместе с переходом на другой язык усваиваются новые отношения и установки, бытующие среди носи-

телей языка Y. Следующие поколения уже забывают о своем этническом происхождении (Lallukka 1990). В последних поколениях смена национальности происходила особенно быстрыми темпами. По данным Rannut, Rannut 2007, среди бабушек и дедушек этнически русских школьников треть не относилась к этнически русским! Поскольку язык в его применении не бывает нейтральным (языковое общение!), в обществе носителей языка X возникает комплекс меньшинства, они полагают свой язык бесполезным и даже стыдным, свидетельствующим об их «низком» происхождении. Поскольку родной язык используется редко и отношение к нему негативно, он уступает русскому языку позицию более важного. К настоящему времени большинство финно-угров России уже перешло на русский язык как первый, часть из них еще владеет родным языком, а часть — уже нет. Особенно активен этот процесс в городах финно-угорских административных единиц, где, например, большинство коми и коми-пермяков уже и дома говорят между собой по-русски. Город является своего рода «ловушкой для коми, где очень быстро происходит эрозия национальной культуры» (Шибяев Рогачев, Котов). По данным В. Дерябина (1997), владение языком между двумя поколениями в городе и на селе может различаться до четырех раз. Еще значительнее на сохранность языка влияет отсутствие соответствующей административной единицы или проживание носителей языка за пределами этнической территории, исключения составляют лишь марийские сообщества в соседних национальных республиках (Lallukka 1990 : 203). На основе имеющихся трендов больше половины финно-угорских языков могут быть отнесены к находящимся под угрозой исчезновения. В то же время более крупным финно-угорским языкам России опасность не угрожает, хотя можно прогнозировать сокращение числа их носителей в следующем поколении (Pusztay 2004). В значительной мере это зависит от доминирующего языка, в данном случае русского. Среди говорящих на русском языке (которые необязательно образуют этнически однородное сообщество) могут возобладать культурные предрассудки и лингвистический империализм, они чувствуют свое привилегированное положение и даже при численном меньшинстве могут добиваться статуса «расы господ».

Языковая политика и языковое планирование

Определение языковой политики может быть озвучено, как использование власти для влияния на языковые процессы. Оно проявляется как в употреблении языка, так и в языковой идеологии (установки и отношения), в административном вмешательстве в вопросы языка, которое касается его носителей и среды. Обычно цели языковой политики направлены на социальные изменения, повышение конкурентоспособности и т. д. (или на доступ к власти, ресурсам, безопасности, информации, развлечениям и т. п.). Между языками контакты или конфликты могут отсутствовать, тогда как носители языков и языковые сообщества представляют собой непреходящий источник конфликтов (Nelde 2007 : 63), т. е. проблемы языкового планирования лежат вне самих языков и не носят лингвистического характера (Lo Bianco 2004).

В языковой политике просматривается ряд категорий (Rannut, Rannut, Veršičik 2003), основанных на общепринятых международных стандартах (как жестких, так и достаточно гибких), когда предоставляется минимум прав для соответствующего языкового режима или, наоборот, когда права не нарушаются: 1) модели защиты меньшинства, основанные на этнической мобилизации (например, GIDS, предложенная в Fishman 1991); 2) экологические языковые модели для туземных народов (Mühlhäusler 1995; On Biocultural Diversity 2001). Языки аборигенов имеют ограниченное распространение, например, в общине, состоящей из небольшого числа носителей, для которых язык является важным средством связи и передачи информации во всех сферах человеческого существования. Они не

имеют опоры в урбанистической культуре, поэтому главная цель состоит в приспособлении языка к новым функциональным сферам и в то же время в защите социальной среды его распространения; 3) работа в части государственного строительства: попытки решать языковые проблемы с помощью рационального планирования экономического типа (рациональное и систематическое распределение языковых ресурсов), разработка стратегий в сфере языка, проекты и программы для различных областей (преподавание иностранных языков, терминотворчество, языковые технологии и т. д.). Эти модели фокусируются на государстве как суверенной единице; 4) модели распространения языков (Ammon 1997), включая лингвистический империализм (Phillipson 1992); 5) политика невмешательства (Phillipson 2003), для которой вопросы языкового планирования второстепенны.

Первые две модели направлены на поддержание общественной (групповой) безопасности — сохранение основ самоидентификации группы в меняющихся условиях и при наличии угроз; третья — национальное строительство — видит свою задачу в обеспечении национальной безопасности (способность государства управлять и предотвращать угрозы).

Лингвистическая угроза в современных представлениях о безопасности относится к ее гибким аспектам. Д. Агер (Ager 1999) выделяет три категории лингвистических угроз: 1) территориальная угроза как опасность для региональных языков (языков национальных меньшинств), связанная с риском дезинтеграции, регионализма и распада. Политика в этом случае базируется на лингвистическом единстве и доминировании официальных/национальных языков в высших государственных сферах (административные органы, суды, учебные заведения, армия, СМИ и т. д.). Официально поддерживаются различные интеграционные модели, ориентированные на дополнительное двуязычие; 2) угроза для общества со стороны социальных аутсайдеров (классов, социальных групп, например иммигрантов, бедноты, молодого поколения). Политические инструменты — равный доступ, участие и кооперация, социальное партнерство. Главная цель — ассимиляция, хотя иногда наблюдается и частичная поддержка местного языка; 3) виртуальная опасность как новая область языкового конфликта (Ager 1999; Rannut, Rannut, Verschik 2003), которая ведет к снижению статуса языка и к утрате им функциональных сфер (информационные технологии, наука, высшее образование, СМИ и индустрия развлечений), что связано с возрастающим воздействием технологий на языковую среду. В этом случае сообщество носителей вытесняющего языка физически может и отсутствовать, поскольку «поле битвы» находится в виртуальном пространстве.

Чтобы предотвратить умирание языка, необходимо экспертное языковое планирование и его последовательное выполнение в рамках целенаправленной политики. Языковое планирование относится к сфере законодательства и профессиональной деятельности в языковой среде. Соответствующие меры предпринимаются государством (и международными организациями типа ЕС, ООН) — на макро-уровне, а учреждениями и даже частными лицами — на микро-уровне (Tollefson 1991). При этом методы и подходы, а также цели и индикаторы существенно различаются. Отметим четыре аспекта языкового планирования.

Планирование статуса языка (Kloss 1969) — придание определенного статуса языку, функционирует в его национальной, региональной и даже институциональной жизни. Оно осуществляется в сфере законодательства, управления и маркетинга («планирование престижа», Naarmann 1990).

Планирование корпуса языка (Haugen 1983; *Politique et aménagement linguistiques* 1993): качество языка касательно его структуры и словаря, установление литературной нормы, соответствия справочному и несправочному потенциалу языка и его возможностей для перевода. Кодификация, терминотворчество, номинация и перевод (плюс интерпретация, адаптация и т. д.) вовлечены в данный аспект планирования.

Планирование языкового образования (Cooper 1989) имеет в виду изучение языков и владение их литературной нормой как гарантию успеха в образовании и дальнейшей карьере любого человека. Сюда входят постижение грамотности, участие в образовательных программах в многоязычной среде, обучение преподавателей и подготовка соответствующих учебных пособий.

Технологическое планирование — это обеспечение технологической поддержки языка в устной или письменной форме. Сюда обычно относят технологию речи, обработку текста, языковые ресурсы (включая нормы языка) и языковое программное обеспечение. Некоторые авторы рассматривают этот аспект в рамках нормирования языка, но здесь качество представляется вторичным, а более важными — понимание и дальнейшая обработка (например, ринорея может вызвать большие искажения в системах распознавания речи, чем использование словаря, далекого от литературного стандарта).

Формула успеха исходит из принципа соответствия: использование языка нужно обеспечить в качестве инструмента коммуникации (своды норм и технология), его следует регулировать по закону, ему необходимо придавать высоко-статусные функции и поддерживать путем передачи от поколения к поколению.

Государственные языки среди финно-угорских

Европа уже прошла ту стадию языковых конфликтов, на которой языки разделились на языки меньшинств и государственные языки в структуре национальных государств. Главные «сражения» были связаны с последствиями двух мировых войн, последние «перестрелки» имели место при распаде Советского Союза и Югославии, когда статус языков некоторых национальных меньшинств был приведен в соответствие с требованиями времени. В результате этих конфликтов и естественного отбора к настоящему времени общее количество коренных языков в Европе невелико — в пределах 70—90, по данным разных источников. Правила поведения в этой области сформировались и зафиксированы в нескольких документах по правам человека, таких как «Европейская хартия по региональным языкам и языкам меньшинств», «Рамочное соглашение по защите интересов национальных меньшинств» и др. Установлены также правила языкового планирования, не допускающие развитие какого-либо языка в ущерб национальному (ECRML).

Государственный язык — это не обязательно родной язык для всего населения региона и язык повседневного общения постоянно проживающих там лиц. Как неотъемлемая часть процесса складывания нации, он выполняет официальные функции в качестве языка государственного управления (рабочий язык чиновников, официальных встреч и документов) и языка обучения в школе и на следующих ступенях образования. Таким образом, государство наделяет приоритетный для него язык инструментальными функциями. Вместе с тем язык принимает на себя символическую функцию, сознательно выделяя значимость совокупности слов и понятий, связанных с историей и патриотизмом (Berdichevsky 2004 : 245). В то же время формируются языковые отношения и установки, обеспечивая основу для языковой лояльности и лингвистической идентичности и способствуя развитию национальной культуры и общей среды дискурса. К государственным языкам из финно-угорских относятся эстонский, финский и венгерский.

Исключительность государственных языков в пределах государства наделяет новыми ролями другие языковые сообщества. Если сообщество не намерено ассимилироваться или это не допускается, оно становится группой меньшинства в терминах политической власти и структурного неравенства, ее идентичность, как правило, определяют другие, она же часто имеет заниженную самооценку (Ozolins 1993). Согласно Porter 1975, меньшинства стоят перед необходимостью либо предпочесть мобильность и открывающиеся возможности, либо подвергнуть себя опасности, подчеркивая этническую принадлежность и культурную иден-

тичность. В этих условиях появляется такое понятие, как язык меньшинства, существование которого возможно лишь при формально заявленном в конституции языке большинства (Heller 1998) и зависит от степени накладываемых на него ограничений (Lo Bianco 2002). Использование языка меньшинства, как правило, регулируется большинством. Таково положение всех финно-угорских языков (правда, их правовой статус не всегда определен законодательно), за исключением эстонского, финского и венгерского.

Новые «поля сражений» за языковую гегемонию в законодательном порядке не определены, к настоящему времени в виртуальном пространстве нет какого-либо многостороннего соглашения по защите языковых прав. В Lo Bianco 2004 перечисляются проблемы национальных государств: глобализация экономических систем и культур, мобильность населения и успехи коммуникационных технологий.

Постмодернистское информационное общество и языковая среда находятся под влиянием процесса глобализации, способствуя активному перемещению рабочей силы, товаров и услуг. Новая ситуация породила потребность в глобальной коммуникационной сети через потенциальных пользователей и обеспечила соответствующие технологические решения, тем самым умножая языковые контакты и мультилингвизм. Ситуации присущи использование нескольких языков в пределах городов, языковые конфликты и в результате смена языка. Это объясняется ослаблением контроля со стороны государства, поскольку расширилось пространство для социальной фрагментации.

Прямое воздействие на языки оказывают три основные тенденции развития коммуникационной сферы. Первая имеет отношение к обработке лингвистической информации: формализация в управлении документооборотом и в обработке информации позволяет сократить затраты по администрированию на различных уровнях. Повышается степень свободы и растет творческий потенциал в других языковых областях (Интернет, СМС, МСН), расширяются пределы реализации личности. Технология позволяет образовывать виртуальные сообщества. В то время как роль английского языка в виртуальном мире постепенно уменьшается, растет присутствие в Интернете других языков. По Crystal 2001, их уже более 1000, благодаря низким стартовым затратам (правда, иногда используются модификации из-за недостающих букв или даже шрифтов, например, латинский вместо шрифта деванагари в СМС). Ло Бианко (Lo Bianco 2004) отмечает, что «глобальная связанность позволяет рассеянными сообществам меньшинств поддерживать тесные коммуникации внутри них и даже бросать вызов государственным организациям из-за пределов контролируемых ими территорий. Самосознание меньшинств может получить поддержку [---] в киберпространстве». Немаловажную роль играют языки и в производстве и оказании услуг. В то время как доля услуг (с высокой коммуникативностью) растет за счет производства, последнее требует более образованных (при посредстве языка) специалистов. Повышается значение коммуникации и других языковых навыков, включая владение иностранным языком, а также инструментальная ценность используемого языка, доля затрат на язык в производстве и услугах, оказываемых вне государства, в котором живет клиент.

Эти процессы умаляют значение типичных особенностей этнических государств (например, однородность населения) и ослабляют их суверенитет, делая более прозрачными политические и экономические границы. Роль государства в языковом регулировании остается на уровне общественных интересов, открываются новые сферы для индивидуального выбора языка. С внедрением виртуального мира стирается разница между средой второго языка и средой иностранного языка. Защита национального государственного языка становится все проблематичнее.

Общей политики в отношении глобализации в области языка нет. Формирование ее все еще остается прерогативой национального государства, в котором

язык занимает особое положение: он является ключевым компонентом в определении национальной идентичности.

На современной стадии глобализации выживание финно-угорских государственных языков будет зависеть от того, насколько успешно их носители смогут осуществлять контроль над окружающей их многоязычной средой и сохранять функциональные сферы своего языка от вторжения в них других языков. Языки сохранят свои позиции, если их поддержит благоприятствующая политика.

Address:

Mart Rannut

Tallinn University

E-mail: rannut@tlu.ee

ЛИТЕРАТУРА

- Ager, D. 1999, *Identity, Insecurity and Image*, Clevedon.
- Ammon, U. 1997, *Language-Spread Policy*. — *Language Problems and Language Planning*, Spring, Vol. 21, No. 1, 51–57.
- Bamgbose, A. 2004, *Language of Instruction Policy and Practice in Africa*. http://www.unesco.org/education/languages_2004/languageinstruction_africa.pdf.
- Berdichevsky, N. 2004, *Nations, Language and Citizenship*, Jefferson—London.
- Boyd, S. 2007, *Communication and Community. Perspectives on Language Policy in Sweden and Australia since the Mid-1970s*. — *Maintaining Minority Languages in Transnational Contexts*, Houndmills, Basingstoke (Palgrave Studies in Minority Languages and Communities), 141–179.
- Can Threatened Languages Be Saved? *Reversing Language Shift, Revisited. A 21st Century Perspective*, Clevedon 2001.
- Cooper, R. L. 1989, *Language Planning and Social Change*, Cambridge—New York—Port Chester—Melbourne—Sydney.
- Crystal, D. 2000, *Language Death*, Cambridge.
- 2001, *Language and the Internet*, Cambridge—New York—Oakleigh—Madrid—Cape Town.
- Danzin, A. 1992, *Towards a European Language Infrastructure*. Report by the Strategic Planning Study Group for the Commission of the European Communities (DG XIII).
- Dixon, R. 1997, *The rise and fall of languages*, Cambridge.
- Ethnologue. *Languages of the World*, Dallas 2005. <http://www.ethnologue.com/>.
- Fishman, J. A. 1991, *Reversing Language Shift*, Clevedon.
- Fried, M. H. 1975, *The Notion of Tribe*, Menlo Park.
- Harmann, H. 1990, *Language Planning in the Light of a General Theory of Language. A Methodological Framework*. — *International Journal of the Sociology of Language* 86, 103–26.
- Haugen, E. 1983, *The Implementation of Corpus Planning. Theory and Practice*. — *Progress in Language Planning. International Perspectives*, Berlin, 269–289.
- Heller, M. 1998, *Linguistic Minorities and Modernity. A Sociolinguistic Ethnography*, London.
- Kloss, H. 1969, *Research Possibilities on Group Bilingualism. A Report*, Quebec.
- Krauss, M. 1992, *The World's Languages in Crisis*. — *Language* 68, 4–10.
- Lallukka, S. 1990, *The East Finnic Minorities in the Soviet Union. An Appraisal of the Erosive Trends*, Helsinki (AASF, Ser. B. 252).
- Lo Bianco, J. 2002, *Real World Language Politics and Policy*. — *Language Policy. Lessons from Global Models*, Monterey, 8–27.
- 2004, *Language Planning as Applied Linguistics*. — *The Handbook of Applied Linguistics*, London, 738–763.

- 2005, Globalisation and National Communities of Communication. — *Language Problems & Language Planning*, 29: 2, 109–133.
- M ü h l h ä u s l e r, P. 1996, *Linguistic Ecology. Language Change and Linguistic Imperialism in the Pacific Rim*, London—New York.
- N e l d e, P. 2007, Maintaining Multilingualism in Europe Propositions for a European Language Policy. — *Maintaining Minority Languages in Transnational Contexts*, Houndmills, Basingstoke (Palgrave Studies in Minority Languages and Communities), 59–77.
- N e t t l e, D., R o m a i n e, S. 2000, *Vanishing Voices. The Extinction of the World's Languages*, Oxford.
- On Biocultural Diversity. Linking Language, Knowledge, and the Environment, Washington 2001.
- O z o l i n s, Uldis 1993, *The Politics of Language in Australia*, Cambridge—New York—Melbourne.
- P h i l l i p s o n, R. 1992, *Linguistic Imperialism*, Oxford.
- 2003). *English-Only Europe? Challenging Language Policy*, Routledge.
- Politique et aménagement linguistiques, Paris—Québec 1993.
- P o r t e r, J. 1975, Ethnic Pluralism in Canadian Perspective. — *Ethnicity. Theory and Experiences*, Cambridge, 267–304.
- P u s z t a y, J. 2004, Plenary Address for the 4th Congress of WCFUP, Tallinn, August 2004.
- R a n n u t, M. 2003, Postmodern Trends in Current Language Development. — *Languages in Development*, München, 19–30.
- R a n n u t, M., R a n n u t, Ü., V e r s c h i k, A. 2003, Keel, võim, ühiskond, Tallinn.
- R a n n u t, Ü., R a n n u t, M. 2007, Tallinna õpilaste kodukeel. — *Haridus* 3–4, 7–10.
- R o m a i n e, S. 2007, Preserving Endangered Languages. — *Language and Linguistics Compass* 1 (1–2), 115–132.
- S k u t n a b - K a n g a s, T. 2000, *Linguistic Genocide in Education — or World-wide Diversity and Human Rights?*, Mahwah.
- T o l l e f s o n, J. W. 1991, *Planning Language, Planning Inequality. Language Policy in the Community*, London—New York.
- W a e v e r, O. 1993, *Societal Security. The Concept. — Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe*, London, 17–40.
- W i i k, K. 2002, Eurooppalaisten juuret, Jyväskylä.
- World Atlas of the World's Languages in Danger of Disappearing, [Paris] 2001 (UNESCO Reference Books).
- Д е р я б и н В. 1997, Коми-пермяки сегодня: особенности этнокультурного развития. Исследования по прикладной этнологии № 102. <http://old.iea.ras.ru/Russian/publications/applied/102.html>.
- Ш а б а е в Ю. П., Р о г а ч е в М. Б., К о т о в О. В. Этнополитическая ситуация на территории проживания народов Коми. <http://kominarod.narod.ru/articles/articles4.htm>.